

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ИСПОВЕДЬ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ
КАК ОПЫТ «ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ»
(В СВЕТЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
Ю.М. ЛОТМАНА)

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: l.lutevici@uw.edu.pl
(nadesłano 12.06.2015; zaakceptowano 11.10.2015)

Abstract

**The writer's confession of Nikolay Gogol as an experiment in
'inner composition' (in the light of J.M. Lotman's concept of biography)**

The author of the article focuses on the principles of Russian writers' conscious creation of their own personality in life and work; it is the basis of Yury Lotman's biographical conception that was realized in a number of his theoretical works and in two biographies of the writer. In the article the emphasis is placed on the idea of *inner composition* as the moral self-improvement that Gogol represented in *the Author's Confession*; and on its development by the scholars in the theory of literary biography. As a result of the conducted analysis, the author of the article comes to the conclusion that the presence of *inner history* as an action *from unconsciousness* (the delusion by the false aim) *to consciousness* (the finding of the truth) is very important for the semi-otic model of the Russian writer's confession.

Key words

Gogol, a confession, an idea of inner composition, Lotman, a biography.

Резюме

Автор статьи сосредоточивает свое внимание на принципах сознательного самосозидания русскими писателями собственной личности в жизни и в творчестве, составивших основу биографической концепции Юрия Лотмана, которая получила реализацию в ряде его теоретических работ и в двух писательских биографиях. Акцент в статье делается на идее *внутреннего строения* как нравственном самосовершенствовании, выраженной Гоголем в *Авторской исповеди*, и на развитии ее ученым в теории литературной биографии. В результате проведенного анализа автор статьи приходит к выводу, что для семиотической модели русской писательской исповеди чрезвычайно значимо наличие *внутренней истории* как движения *от бессознательности* (обольщение ложной целью) к *сознательности* (обретение истины).

Ключевые слова

Гоголь, исповедь, идея внутреннего строения, Лотман, биография.

Для изучения русских писательских исповедей¹ существенное значение имеют биографические работы Юрия Лотмана в целом (в начале 1980-х гг. двумя изданиями вышла биография Пушкина², чуть позже — книга *Сотворение Карамзина*³) и статья *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)*⁴ в частности. В этих трудах особое значение ученый придавал мысли *о строении себя* и идее *внутреннего человека*.

Мысль *о строении* присутствует в заглавии книги о Карамзине и дополнительно подчеркивается эпиграфом, взятым из письма Петра Чаадаева к Александру Тургеневу от 1838 г.: «...чего стоит у нас человеку, родившемуся с великими способностями, сотворить себя хорошим писателем»⁵. Идея *сотворения*

¹ В первую очередь таких, как *Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях* Дениса Фонвизина, *Авторская исповедь* Николая Гоголя; *Исповедь* Михаила Бакунина; *Моя исповедь* Николая Огарева; *Исповедь* Василия Кельсиева, *Исповедь* Льва Толстого; *Моя исповедь* Константина Леонтьева, *Биография–исповедь* Петра Лаврова и др.

² Ю.М. Лотман. *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся*. Изд. 2-е. Ленинград: Просвещение, 1983.

³ Ю.М. Лотман. *Сотворение Карамзина*. Москва: Книга, 1987.

⁴ Ю.М. Лотман. *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)*. [В:] *Ученые записки Тартусского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия*. Вып. 683. Тарту 1986, с. 106–121. Далее цитируется это издание в тексте (в скобках указывается фамилия и номер страницы).

⁵ П.Я. Чаадаев. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. В 2 тт. Т. 2. Москва: Наука 1991, с. 133.

себя — это культурно-исторический факт, феномен эпохи, обнаруженный ученым, как он сам отмечал, в результате изучения «книг, писем, дневников, листов воспоминаний современников»⁶. Странно только, что в этом контексте Лотман практически не упоминает *Авторскую исповедь* Гоголя. Хотя именно там писатель неоднократно выражает мысль о *внутреннем строении себя*. Прочитав несколько фрагментов: «Всё чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. (...) Везде обнаруживается более или менее мысль о внутреннем строении... Мысль о строении как себя, так и других делается общею»⁷; писатель «сам еще строится и создается» (Гоголь, 455), «строенье себя самого непременно обнаруживается во всем» (Гоголь, 455–456), «помышляю я о своем собственном строении» (Гоголь, 456), «я стараюсь быть лучшим, чем я есть» (Гоголь, 442); «почти у всякого человека ...заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять» (Гоголь, 446), необходимо «обращение на самих себя» (Гоголь, 446). Приведенные примеры свидетельствуют о напряженном гоголевском внимании к себе, к идее *внутреннего строения*.

В лотмановских биографиях доминирует тенденция сознательного созидания русскими писателями не только художественной, но и автобиографической личности. Ученый исходил из того, что писатель (будь то Радищев, Карамзин, Пушкин) «строил себя как храм, ... возводил стены»⁸, затем изменял планы, ломал построенное и все начинал заново; в конечном итоге — личность писателя «и есть тот храм, который он строил всю жизнь и который придавал единство и смысл его сочинениям»⁹. «Строительство» это так или иначе документировалось как внешними наблюдателями — современниками, так и самим автором, который мог вводить автобиографизм в художественные произведения или же непосредственно обращаться к разным формам мемуаристики (письма, дневники, записки, воспоминания, авторские исповеди и проч.). Задача биографа, считал Лотман, состоит в том, чтобы восстановить, реконструировать писательскую личность по «документам», но сами «документы», как показал опыт их изучения, «всегда неполные, двусмысленные, всегда несущие в себе субъективную позицию своего создателя»¹⁰. Они очень важны, поскольку дух эпохи определяется ими, и вместе с тем, как правило, они ущербны, поскольку зачастую недостоверны. Из этого наблюдения ученый сделал вывод о том, что биографу, с одной стороны, необходимо изучить весь массив существующих документов, а с другой, в силу их неизбежной фрагментарности, недостоверности, — необходимо обращаться к собственной «интуиции и воображению», поскольку биография — это не летопись, не даты и события, это единое и живое целое национальной культуры.

⁶ Ю.М. Лотман. *Сотворение Карамзина...*, с. 12.

⁷ Н.В. Гоголь. *Собрание сочинений*. В 8 тт. Т. 7. Москва: Правда 1984, с. 454. Далее цитируется это издание в тексте (в скобках указывается фамилия и номер страницы).

⁸ Ю.М. Лотман. *Сотворение Карамзина...*, с. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Здесь, мне думается, важно не смешивать два явления: 1) что и как «строил» сам писатель; 2) что и как воссоздает в своем тексте биограф. В процессе «строительства» сам писатель неоднократно может изменять цели и задачи, развивать иллюзии, концентрироваться на деталях, и проч., а также сколько угодно — объективно или субъективно, реально или декларативно — изменять «конструкцию» своей жизни. Задача же биографа состоит в том, чтобы при всех авторских переменах обнаружить так называемый «генеральный план застройки», то есть выявить ядро, тот «целостный идеал личности, который создавал в своей душе герой биографии»¹¹.

Гоголевские пристрастия Лотмана, как известно, имели чуть ли ни тотальный характер. По свидетельству Татьяны и Дмитрия Кузовкиных:

Ни одно концептуальное культурологическое построение ЮМ [Юрия Михайловича — Л.Л.] не обходилось без обращения к феномену Гоголя. ...если собрать все «гоголевские» тексты ученого, то и по объему, и по охвату поднимаемых в них научных проблем они будут сопоставимы с его монографиями о Пушкине и Карамзине¹².

В этой же статье имеется информация о том, что в лотмановском архиве Эстонского фонда семиотического наследия исследователи обнаружили машинописную рукопись *Разноликий Гоголь*¹³, во второй части которой содержится «ранее не публиковавшийся материал», где «подробно рассматривается феномен „позднего Гоголя“»¹⁴. О том, что «феномен» позднего Гоголя притягивал внимание ученого и ранее, свидетельствует также созданная им типология соотношения текста и личности автора.

В лотмановской модели писательской биографии (в варианте упомянутой ранее статьи *Литературная биография в историко-культурном контексте...*), основу которой составляет не только идея внутреннего строения, но и шире — идея жизнотворчества как процесса непрерывного нравственного самосовершенствования, очевидна опора на *Авторскую исповедь*, хотя прямых ссылок на этот текст Гоголя в статье нет.

В упрощенной схематизации концепция Лотмана сводится к тому, что «писатели начала XIX в. не просто живут, а создают себе биографии» (Лотман, 371), сопутствующие «незримо или эксплицировано» художественным текстам (369), при этом автор как «человек с биографией» (Лотман, 372), обязательно обладает своей «внутренней историей» (Лотман, 372), при создании которой «культурные коды», избранные для себя писателем, «не только отбирают релевантные факты из всей массы жизненных поступков, но и становятся программой будущего поведения, активно приближая его (писателя — Л.Л.) к идеальной норме» (Лотман, 371), а именно — светского святого: «в культуре послепетровской

¹¹ Там же, с. 13.

¹² Т. Кузовкина, Д. Кузовкин. *Понятие границы в работах Ю.М. Лотмана о Гоголе. К эволюции научного языка ученого.* [В:] *Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете, 4–7 июня 2009 г.* Ред.-сост. И.А. Пильщиков. Таллинн: TLU Press, 2011, с. 199–200.

¹³ Там же, 205.

¹⁴ Там же, 205.

России писатель занял то место, которое предшествующий этап отводил святому — проповеднику, подвижнику и мученику» (Лотман, 374). Естественно, что в таком случае актуализировалась «биографическая мифологизация» (Лотман, 371) и созданная биография приобретала такую дидактическую силу, что становилась «в некоторых отношениях важнее, чем его творчество» (Лотман, 374).

Все позиции, отмеченные ученым, непосредственно соотносятся с *Авторской исповедью*. Именно Гоголь засвидетельствовал в своих признаниях, что личная биография неизбежно стала спутником его произведений: «начавши некоторые объяснения по поводу моих сочинений, я должен был неминуемо заговорить о себе самом, потому что сочиненья связаны тесно с делом моей души» (Гоголь, с. 462). В процессе самоописания автор обращался не только к действительным фактам своей жизни, но и вводил вымышленные события, осуществляя таким образом «биографическую мифологизацию». Чего стоят, например, в этом контексте гоголевская легенда о «близкой дружбе» с Пушкиным и так называемое «дарение» сюжетов! Напомню, что первые биографы Гоголя от П.А. Кулиша до В.И. Шенрока восприняли гоголевские авторские признания как абсолютно достоверный биографический материал¹⁵. В качестве такового он впоследствии прочно обосновался в академических трудах, в школьных и вузовских учебниках, несмотря на многочисленные корректировки, которые вносились и современниками Гоголя, и последующими исследователями. В частности, например, стойкой оказалась гениальная легенда, касающаяся дружеских взаимоотношений Гоголя с Пушкиным, которую последовательно творил сам Гоголь в разговорах и письмах к своим родным, друзьям, знакомым со времени первого же появления в Санкт-Петербурге. Но именно в *Авторской исповеди* гоголевский миф о Пушкине как о друге, поощрявшем гоголевский талант и неустанно заботившемся о его развитии, получил свое окончательное закрепление:

Пушкин заставил меня взглянуть на дело (писательство — Л.Л.) сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставить его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за Дон-кишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ. (Мысль Ревизора принадлежит также ему).

(Гоголь, 437–438)

¹⁵ Наиболее последовательно эта точка зрения была развита известным знатоком творчества писателя Владимиром Ивановичем Шенроком в его четырехтомных *Материалах для биографии Н.В. Гоголя*. Т. 1–4. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К° 1892–1897, а также в юбилейной статье *Пушкин и Гоголь*. «Русская старина» 1900, № 2, с. 383–392.

На этом гоголевском признании построены, как известно, биографии, монографии, сотни научных статей. И хотя достоверность автобиографического исповедального текста Гоголя неоднократно подвергалась сомнениям и даже резкой критике, ситуация в принципе не менялась¹⁶. Видимо, для истории русской литературы очень привлекательным оказался сюжет о преемственности; сам же миф о взаимоотношениях двух писателей стал знаковым, символическим, динамичным и востребованным в русской культуре не только XIX века, но и последующих эпох. Кстати, Ю.М. Лотман, который считал дарение сюжетов Пушкиным Гоголю подлинной реальностью, свою последнюю статью начал с того, что «Гоголь был лгун»¹⁷. До сегодняшнего дня гоголевские биографы лавируют между Сциллой объективности/документализма и Харибдой мифологизации/легендарности относительно его признаний. Диапазон ответов на вопрос о цели мифологизации располагается по вертикали, где «верх» — высоко понятая роль писателя как проповедника и пророка (Ю.М. Лотман), а «низ» — низменный практичный протекционизм (Юрий Дружников). «Для начинающего поэта-романтика из провинции важно было слово Мэтра, а главное, протекция. Гоголь изо всех сил старался приблизиться к Пушкину в жизни, чтобы оказаться вблизи него в литературе, – весьма распространенная модель поведения»¹⁸. Незави-

¹⁶ См. об этом: Н.Н. Петрунина, Г.М. Фридендер. *Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах*. [В:] *Пушкин. Исследования и материалы*. Т. 6. Отв. ред. Б.С. Мейлах. Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1969, с. 197–228; С. Шварцбанд. *К литературной биографии Н.В. Гоголя*. [В:] *Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. Т. 1. Red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: Studia Rossica, 2010, с. 119–130.

¹⁷ См.: «Вершиной гоголевского искусства было скрыть себя, выдумать вместо себя другого человека и от его лица разыгрывать романтический водевиль ложной искренности. Принцип этот определял не только творческие установки, но и бытовое поведение Гоголя. Достаточно просмотреть его письма, чтобы убедиться, что он систематически мистифицирует своих корреспондентов: то, находясь в России, пишет как бы из-за границы, то выдумывает несуществующие детали, превращающиеся потом в мучительные загадки для его биографов. Есть своеобразный курьез в том, что писатель, ставший знаменем правдивого изображения жизни в русской литературе, и в творчестве, и в быту любил врать». Ю.М. Лотман. *О «реализме» Гоголя*. [В:] *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II*. Новая серия. Ред. Л. Киселева. Тарту 1996, с. 11.

¹⁸ См. «Посмотрим, что представляли собой оба писателя к началу периода так называемой дружбы. Пушкину 32. Он крупнейший поэт России, признанный гений. Каждый его шаг, слово, жест становятся известными, записываются в дневниках, пересказываются в письмах современниками. Круг его друзей давно сложился, они его ровесники или старше. Они все живые классики, аристократы, элита, имеют контакты с царской семьей. К тому же Пушкин занят обустройством своей семейной жизни. Гоголю 22. Это вчерашний школьник. Едва окончив гимназию в глубокой провинции, приехал в столицу и горит замыслами доказать маменьке и родственникам, что они посылают ему деньги не зря. Он беден, ищет заработки. Он начинающий литератор, печатается под псевдонимами... Словом, у него еще нет имени, но он, как замечает Анненков, ищет „земной славы всеми силами своей души“. Гоголь, в котором поначалу трудно было отличить талант от графомании, перепробовав разные профессии, пробивался в литературу и чувствовал себе цену. Он искал расположения своего кумира. Именно это было важно для Гоголя». Юрий Дружников. *С Пушкиным на дружеской ноге*.

симо от аксиологической значимости исследовательских оценок, в данном случае важно подчеркнуть, что через мифологическое посредничество Пушкина писатель в исповеди осуществлял самоопределение, создавал свою литературную биографию.

При этом самоопределение Гоголя неоднозначно: с одной стороны, перед нами рефлексирующая автобиографическая личность, которая, защищаясь от упреков оппонентов, пишет о своем болезненном состоянии (страхе смерти), в котором создавались *Выбранные места из переписки с друзьями*, о неуместности проповедничества и включения *Завещания* в текст, о «темноте и неумении выражаться» — свойствах якобы «не вполне организовавшегося писателя» (Гоголь, 43–432), об отсутствии надлежащего гражданского воспитания; о сомнениях в правильности избранного пути и проч.; с другой стороны, в исповеди появляется образ некоего «писателя-творца», обладающего «великими дарами»: «картинной живописью слова», «орлиной силой взгляда», «возносящей силой лиризма», «поражающей силой сарказма», «полным познанием земли своей и своего народа в корне и в ветвях»; предназначение такого писателя «творить творенье свое в поученье людей» (Гоголь, 455). То, что последнее описание относится не только к некоему идеальному образу творца, но непосредственно и к самому Гоголю выясняется чуть далее: «Я сам писатель, не лишенный творчества; я владею также некоторыми из тех даров, которые способны увлекать» (Гоголь, 456). При этом автор неоднократно настаивает на том, что писательство оказалось для него делом случайным: «мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным... Я думал, просто, что я выслужусь и всё это доставит служба государственная. ... Ни я сам, ни сотоварищи мои ... не думали, что мне придется быть писателем» (Гоголь, 436). Значит, основное ядро биографической личности, идеал, который всю жизнь носил в своей душе Гоголь, определялся идеей государственной службы (а не служения): «Мысль о службе меня никогда не оставляла. Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей. Но и тогда ...я помышлял, как только кончу большое сочинение, вступить... в службу и взять место» (Гоголь, 458). Со службой ни ранее, ни позже, как известно, ничего путного не вышло. Однако случилось так, что Гоголь стал писателем. Размышляя над этим парадоксом в исповеди, Гоголь настаивает на необходимости максимальной общественной полезности современного автора. Ограничиться тем, чтобы «выставить» на обозрение читателей «свою внутреннюю клеть» (Гоголь, 442), как это сделал, например, ранее Ж.-Ж. Руссо, — для русского автора абсолютно невозможно,

---

[Online] <http://royallib.com/book/drugnikov_yuriy/s_pushkinim_na_drugeskoy_noge.html> (08.06.2015). На концепцию Дружникова повлияли размышления Андрея Синявского о Гоголе, который у Пушкина «заимствовал строчки и сюжеты, которого боготворил, чью благословляющую руку сам же на себя возлагал, несколько преувеличивая размеры своей близости с Пушкиным. Но ему нужно было с Пушкиным быть на дружеской ноге, чтобы от него, от величайшего из поэтов России, вести свой счет, свою генеалогию – прозы». Абрам Терц. *В тени Гоголя*. London: Overseas Publications Interchange in association with Collins, 1975, с. 328.

поскольку, в его представлении, в процессе самораскрытия и самопознания он должен предпринять воспитательные усилия для того, чтобы «сделаться лучше». Так от мысли о «внутреннем строении» Гоголь пришел к мысли о «внутренней истории» (Гоголь, 442), которая мыслилась прежде всего как повествование, поучительное для современников. В качестве «внутренней истории», которая предполагала в конечном счете совлечение с себя человека ветхого и превращение в человека нового, Гоголь избрал «чистосердечную повесть» своего «авторства», увидев в своей судьбе перст божий, «участие того, кто располагает миром» (Гоголь, 436).

В исповеди автор старается убедить читателей, себя, а более всего, кажется, Виссариона Белинского в том, что его раннее художественное творчество было бездумным, бесцельным, бессознательным:

Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе всё смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего, и кому от этого выйдет какая польза.

(Гоголь, 437).

Далее зафиксирован момент самоанализа и попытка более осознанного выбора своей творческой цели. «Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего». Так возник *Ревизор*, где автор «решился собрать в одну кучу всё дурное в России, ... и за одним разом посмеяться над всем» (Гоголь, 438).

Затем на пути самоопределения появляется знаковая фигура — Пушкин, заставивший, по словам Гоголя, «взглянуть серьезно» на литературное дело и задуматься над необходимостью создания «сочиненья полного (т.е. эпического — Л.Л.), где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться» (Гоголь, 438). Чем более Гоголь вглядывался в современную русскую жизнь, тем более пристально сосредоточивался на человеке и его душе (Гоголь, 441). Почувствовав недостаточность национального поля в познании, он обратился к освоению «тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще», и тогда его чтением стали «книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека» (Гоголь, 441). Но Гоголь, по признанию, не просто читал, он параллельно скрупулезно и тщательно наблюдал за «собственной душой» и увидел «математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображенью: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, словом — нужно сделаться лучшим» (Гоголь, 441). В стремлении сделаться лучшим автор искал достойные примеры. Так он пришел к Христу: «В мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть на земле человек» (Гоголь, 443). Усвоив себе «всемирность человеколюбивого закона Христова» (Гоголь, 460), автор, по признанию, «избавился от многих недостатков» и почувствовал потребность передать свой опыт другим: «Учить я принимал в том простом значении, в каком повелевает нам церковь учить друг друга» (Гоголь, 464). Такой

предстает в *Авторской исповеди* внутренняя история писателя. Жизненный опыт в целом, сама литературная исповедь в частности, где этот опыт был рассмотрен, объяснен и обобщен, предстают в качестве актов «постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление», на «искание истины» (Лотман, 372).

Гоголь стремился осмыслить факты своей биографии в особом — миссианском — ключе. Так, он констатировал, что в определенный момент утратил способность писать и воспринял это как знак. «Несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо. Хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь ... и не мог...» (Гоголь, 443). По собственной воле, как пояснил Гоголь, он никогда бы не отказался от творчества, именно высшая сила отняла у него «способность писать (...) Но нет лишений, во след которым нам <не> посылается замена ...не оставляет человека создатель» (Гоголь, 458). Значит, создатель, лишивший Гоголя дара писать художественные произведения так хорошо, как он это делал ранее, сохранил ему дар служить и проповедовать добро как основную христианскую истину. По мысли самого писателя, новая миссия, принимаемая им на себя, несопоставима с собственно литературной, ведь теперь речь идет одновременно о подвижническом, гражданском и христианско-учительском служении отечеству и миру, т.к. пользу сейчас может принести «гражданин земли своей и гражданин всемирный» (Гоголь, 455). Лотман констатировал: «Писатель подвижничеством должен был доказывать свое право говорить от лица Высшей Правды. Первым это понял ...Гоголь. (...) Путь этот толкал писателя к тому, чтобы занять позицию проповедника и пророка» (Лотман, 374). Исповедь с ее внутренней историей явно становилась для Гоголя важнее творчества. Лотман видел в Гоголе личность, «исполненную внутренней сложности», которая «резонировала на многочисленные струны русского и мирового культурного процесса, отличаясь при этом исключительной чуткостью и пророческой прозорливостью...»¹⁹.

В *Авторской исповеди*, рассмотренной как опыт внутреннего строения себя, отчетливо проявляется, во-первых, желание Гоголя прозреть в себе как в писателе не только тип русского человека, но и гражданина всего мира, а во-вторых, попытка выйти за пределы собственно литературного поля и обрести функцию апостольскую, где христианская жизнь и проповедь христианства мыслятся как органическое целое.

Литература

Кузовкина Т., Кузовкин Д. *Понятие границы в работах Ю.М. Лотмана о Гоголе. К эволюции научного языка ученого*. [В:] *Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.)*. Ред. сост. И.А. Пильщиков. Таллинн: TLU Press, 2011, с. 199–211.

¹⁹ Ю.М. Лотман. *Разноликий Гоголь*. [В:] Т. Кузовкина, Д. Кузовкин. *Понятие границы в работах Ю.М. Лотмана о Гоголе...*, с. 209.

- Лотман Ю.М. *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся*. Изд. 2-е. Ленинград: Просвещение, 1983.
- Лотман Ю.М. *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)*. [В:] *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия*. Тарту, 1986. Вып. 683, с. 106–121.
- Лотман Ю.М. *Сотворение Карамзина*. Москва: Книга, 1987.
- Лотман Ю.М. *О «реализме» Гоголя*. [В:] *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II*. Новая серия. Ред. Л. Киселева. Тарту 1996.
- Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М. *Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах*. [В:] *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. VI. Отв. ред. Б.С. Мейлах. Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1969, с. 197–228.
- Терц А. *В тени Гоголя*. London: Overseas Publications Interchange in association with Collins, 1975
- Чаадаев П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. Москва: Наука 1991.
- Шварцбанд С. *К литературной биографии Н.В. Гоголя*. [В:] *Metuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe* Т. 1. Red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: Studia Rossica, 2010, s. 119–130.
- Шенрок В.И. *Материалы для биографии Гоголя*. Т. 1–4. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1892–1897.
- Шенрок В.И. *Пушкин и Гоголь*. «Русская старина» 1900, № 2, с. 383–392.